

Безконечно больно думать, что онъ ушелъ отъ насъ, что никогда въ нашъ кругъ не войдетъ его свѣтлое, мудрое ли-

цо, не раздастся тихій голосъ...

Да будетъ легокъ и свѣтелъ его небесный путь.

Г. Ф.

О планомѣрномъ добрѣ.

Благотворительность обычно связываютъ съ личной добродѣтелью отдѣльнаго человѣка. Помощь ближнему понимаютъ, какъ личный актъ состраданія. Мотивомъ благотворительности считаютъ любовь.

Вѣрно ли это?

Вопросъ этотъ совершенно не касается нищелюбія и личнаго подвига служенія ближнимъ. Заповѣди Спасителя абсолютны и непреложны; онѣ обращены къ каждому человѣку и каждому говорятъ о томъ же—всегда и вездѣ. И личное добро всегда остается тѣмъ же.

Но можно ли сводить къ нему всѣ остальные формы жизни? И нѣтъ ли рядомъ съ нимъ иныхъ задачъ, не связанныхъ непосредственно съ любовью и все-таки религиозно освященныхъ и церковно необходимыхъ?

Участіе въ богослуженіи, конечно, свидѣтельствуетъ о любви къ Богу, о ревности къ храму. Но когда пѣвецъ, поющій въ хорѣ, беретъ ту или иную ноту, замѣняетъ своего сосѣда, исправляетъ ошибки—свои или всего хора—то эти отдѣльныя дѣйствія никакъ не могутъ быть непосредственно связаны ни съ любовью, ни съ благочестіемъ. Это—техника дѣла, правильное выполнение своихъ обязанностей, нахожденіе своего мѣста въ общемъ дѣлѣ.

Совершенно то же происходитъ и въ социальной жизни. Общество, въ которомъ мы живемъ, тотъ же хоръ. Пѣсня его полна ошибокъ и диссонансовъ; и виновниками ихъ являемся всѣ мы: какъ каждый въ отдѣльности, такъ и всѣ вмѣстѣ. Поэтому

и отвѣтственность падаетъ также на всѣхъ. Не только за личное стараніе и искусство, но и за успѣхъ всего дѣла, за сложность хора, за его органичность (благодаря которой то, что опускается одними органами, восполняется другими). Этотъ послѣдній видъ отвѣтственности и является нашимъ социальнымъ долгомъ, не связаннымъ непосредственно съ нашими чувствами и настроеніями: ибо это есть долгъ, а не заповѣдь добра; логическая предпосылка общежитія, а не проповѣдь идеала; техника жизни, а не ея смыслъ и идея. Иначе говоря: подвигъ социального служенія не является нашей заслугой, насъ никто за него благодарить не станетъ; мы здѣсь не «благодѣтели», не «благотворители», а просто исполнители своего долга—совершенно такъ же, какъ мы платимъ налоги, отбываемъ государственныя повинности и т. п.

Но можно ли такого рода дѣятельность разсматривать, какъ религиозно оправданную и церковно освященную? Не является ли она стихіей міра сего, языческимъ, натуральнымъ добромъ?

Отвѣты на эти вопросы явствуютъ изъ того, что Церковь пріемлетъ и благословляетъ всю жизнь: культуру, государство, общество. А слѣдовательно, дѣятельность, напр., чиновника, (какъ части государственнаго аппарата), хотя и не является христіанскимъ подвигомъ, тѣмъ не менѣе освящена и оправдана. Не передъ вѣчностью, ибо на Страшномъ Судѣ его спросятъ только объ одномъ: о томъ, что сдѣлалъ онъ со своимъ сердцемъ; но пе-

редь исторіей, которая есть «подвижный образъ вѣчности», средство богатѣть въ вѣчную жизнь.

А разъ это примѣнимо къ органамъ государства, то, значить, и къ органамъ общества, какими являемся всѣ мы. Такимъ образомъ передъ нами вырисовывается необходимость религіознаго пониманія нашего соціальнаго долга, независимаго отъ личной благотворительности, въ какой-то степени ей даже противоположнаго. Это двѣ различныя области (обѣ необходимыя) съ разными методами и задачами. Приглядимся поближе къ ихъ различію.

Въ личной благотворительности основой является чувство состраданія, отвѣтъ души на нужды ближняго, любовь къ данному, встрѣтившемуся мнѣ человеку. Поэтому личная благотворительность: 1) безпланна (я помогаю всякому, кто попался мнѣ на пути); 2) не критична (я не разбираюсь въ дѣйствительности нужды, а помогаю просто потому, что меня объ этомъ просятъ); 3) лична (связана съ моимъ переживаніемъ состраданія и, естественно, съ отвѣтнымъ чувствомъ благодарности); 4) непосредственна (я помогаю тутъ же сразу, не сравнивая однихъ съ другими, не жертвуя ими другъ для друга). И, наконецъ — самое главное — въ личной благотворительности я распоряжаюсь своими средствами и поэтому на всякій упрекъ въ несправедливости могу отвѣтить словами притчи: «Развѣ я не воленъ въ своемъ? Или глазъ твой завистливъ?»...

По сравненію съ этимъ, соціальное служеніе оказывается гораздо болѣе сухимъ, бездушнымъ, безчувственнымъ. Для того, чтобы не отворотиться отъ него съ самаго начала, надо постоянно помнить, что оно есть техника жизни, не радость души, долгъ а не добродѣтель.

1) Оно стремится къ осуществленію опредѣленныхъ цѣлей, — слѣдовательно, должно быть подчинено соотвѣтственному

плану; пищу, предназначенную для дѣтей, нельзя отдать инвалидамъ, хотя бы они и были голодны, и т. д. 2) Оно хочет достигать опредѣленныхъ **результатовъ**, — слѣдовательно, не терпитъ непроизводительной траты средствъ: помогать можно только дѣйствительной, проверенной нуждѣ. 3) Оно требуетъ гораздо болѣе точности, исполнительности, строгости, чѣмъ личнаго горѣнія сердца; здѣсь важнѣе наша «функція», чѣмъ «мы сами». 4) Оно насквозь пронизано логической тканью цѣлесообразности, послѣдовательности и подчиненности меньшихъ нуждъ большимъ, а слѣдовательно исключаетъ всякую непосредственность. И, наконецъ, — самое главное условіе, опредѣляющее всѣ остальные: въ соціальномъ служеніи мы распоряжаемся не своими средствами: — намъ вручаютъ ихъ для правильнаго употребленія; поэтому мы не имѣемъ права использовать ихъ по своему усмотрѣнію, но только по соціальной цѣлесообразности. Мы — общественные работники, а не благотворители; приказчики, а не хозяева.

Для подобнаго рода служенія трудно найти въ душѣ лавосъ и увлеченіе: такимъ сухимъ и бездушнымъ кажется оно на первый взглядъ; такимъ несвободнымъ представляется «благотворителю», привыкшему дѣйствовать по влеченію сердца; и, наконецъ: то обстоятельство, что это долгъ, а не заслуга, что за твою работу тебѣ никто спасибо не скажетъ — также не можетъ не произвести на душу охлаждающаго дѣйствія.

И однако подобный трудъ заповѣданъ намъ Евангеліемъ; его обязательность и неблагодарность предусмотрены заповѣдью Спасителя: ибо не къ этому развѣ относятся слова: «такъ и вы, когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: «мы рабы, ничего нестоющіе; потому что сдѣлали то, что должны были сдѣлать». Заповѣдь эта, конечно, можетъ быть примѣ-

нима ко всякому поступку христианина, ко всякому моменту его жизни.

Но въ особенности ясна она тамъ, гдѣ долгъ служенія непосредственно вытекаетъ изъ условій самого бытія, гдѣ повелѣніе трудиться на общую пользу, какъ бы заключено въ самомъ фактѣ общественной жизни. Общество, не обслуживаемое въ своихъ нуждахъ составляющими его членами, подобно пустому полю, не обрабатываемому живущимъ на немъ земледѣльцемъ; а это есть грѣхъ, ибо все дано намъ для творческаго преображенія, для воздѣльванія и восполненія — въ мѣру утраченныхъ первообразовъ творенія, въ нашемъ уподобленіи Промыслителю о благѣ міра.

Въ этой соціальной работѣ есть своя суровая красота, свой безстрастный пафосъ, берущій свое начало въ какихъ-то особыхъ, не эмоциональныхъ корняхъ нашей религіозной жизни. Ихъ нужно въ себѣ питать и возгрѣвать. Ибо на этихъ путяхъ мы всегда стоимъ передъ соблазномъ утопізма: возомнить себя спасителями міра, прудъ послушанія подмѣнить иллюзіей творчества новой земли и новаго неба. Это узурпированіе правъ Творца (и, слѣдовательно, обоготвореніе человека) лежитъ въ основѣ георического социализма, сдѣлавшаго соціальныи вопросъ своей монополіей. Въ такомъ видѣ соціальное служеніе кажется и болѣе значительнымъ и болѣе легкимъ; ибо оно

свѣяно ореоломъ религіозной значимости; оно ведетъ человѣчество къ царству свободы и счастья... Преодолѣть эту ложь не такъ ужъ трудно; уроки науки и уроки жизни слишкомъ больно бьютъ по этой наивной вѣрѣ въ «прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы». Гораздо труднѣе не выплеснуть изъ ванны вмѣстѣ съ грязной водой и ребенка, и принять соціальныи вопросъ на свою отвѣтственность, не какъ «начало всѣхъ началъ», а какъ необходимую технику жизни, какъ спокойное служеніе по закону справедливости и добра; закону, который является для насъ обязательнымъ совѣтомъ не потому, что онъ удовлетворяетъ требованіямъ рабочаго класса или условіямъ экономическаго равновѣсія общества, а потому, что онъ данъ намъ Богомъ для исполненія и дѣятельнаго проведенія въ жизнь. Религіозное обоснованіе соціального вопроса и попытки его церковнаго разрѣшенія являются въ настоящее время одной изъ самыхъ важныхъ христіанскихъ задачъ, ибо здѣсь бьется сейчасъ пульсъ міровой жизни, здѣсь болѣетъ человѣчество, и пройти мимо этой раны, не обративъ на нее вниманія, значитъ уподобиться тому священнику, и тому левиту, которые «шедши той дорогою подошли, посмотрѣли и прошли мимо» (Лк. 10, 31).

Л. Зандеръ.

2-9 февраля. — финансовая кампанія Движенія во Франціи: необходимо собрать 108.060 франковъ.

Соціальная работа въ Соединенныхъ Штатахъ.

I.

Въ холодный и туманныи день мы сидѣли въ курительной рубкѣ трансатлан-

тическаго парохода съ молодымъ французскимъ агрономомъ. Когда на его вопросъ я отвѣтилъ, что ѣду въ Америку для изученія соціологіи, сидѣвшій напро-